

Всем семьям, воспитывающим
детей-инвалидов, посвящается.
Пусть вам улыбнётся удача!

Автор (инвалид детства)

Глава 1

Дом-призрак

Алматы. Наши дни

Короткий майский дождик совершил своё благое дело — освежил городские улицы, прибил к земле пыль и копоть переполненных автомагистралей. Засияли снежные пики гор Алаатау, благодарно защебетали птицы.

Улыбнулся и пролетел на пегом коне по небу бог Тенгри, а влажные кусты сирени помахали ему вслед душистыми кисточками соцветий. Но кто из горожан обратил на это внимание? Будним майским вечером, словно пчёлы к ульям, торопятся алматинцы к своим жилищам, торговым центрам, кафешкам, кинотеатрам. Несётся и растекается человеческий поток, заполняя улицы и дороги.

Ярко-жёлтый автомобиль скорой помощи с трудом лавировал в плотном потоке машин, медленно ползущих по улице Жансугурова.

Сидевший за баранкой Валентин Иванович Иммель, лысый здоровяк с внешностью бывалого пирата, мысленно костерил на чём свет стоит упрямых участников дорожного движения, загораживающих проезд. Конечно, можно было дорожных тугодумов и в голос припечатать — закон на его стороне, только уж больно не хотелось будить сладко посапывающую на соседнем сиденье худенькую докторшу. Такими темпами ещё минут пятнадцать пилить. «Спи, Каниша, спи...» — думал он, стараясь управлять машиной как можно плавнее.

Он не включал сирены и не сигналил. Какой смысл, если даже по встречке не уйти? Ездить в час пик в двухмиллионном городе без дорожных пробок нереально. Ясно-понятно, что Алматы не Токио, да вот только если пропускная способность дорог рассчитана на количество транспорта в десять раз меньше, то километровые заторы обеспечены. А сегодня тем более: Джума мубарак, благословенная пятница, — день особый!

Как сказано в Священном хадисе, «иудеи выбрали себе субботу, христиане — воскресенье, а мусульманам Аллах даровал пятницу». Сегодня все городские мечети полны прихожан, поэтому и стихийные парковки на проезжей части растягиваются на километры, занимая и без того дефицитное полотно дороги. Но тут ничего не попишешь — святое дело, придётся потерпеть.

Из придорожной кафешки крепко пахнúло жарящимся на мангale мясом. Валентин Иванович слегка сглотнул слону и подумал, что хорошо бы перекусить, но шуршать целлофаном, вытаскивая прихваченный из дома курт, не стал, побоялся разбудить Канишу.

Грубоватый и резкий в обычной жизни, рядом с ней он вёл себя иначе — говорил вполголоса, что при его природном басе было непросто, избегал гусарского юмора, да и вообще старался без особой надобности рта не раскрывать. Спросит — ответит, она молчит — и он слова не проронит. Позволял себе лишь украдкой, вполглаза ею любоваться. А как не любоваться такой лебёдышкой? Ведь эта женщина с узким лицом и потрясающими глазами янтарно-медового цвета ему с первого выезда приглянулась. Как увидел её в светлом форменном костюмчике, с тугим пучком волос на гордо поднятой голове, так сердце и защемило. Как есть птица-лебедь! Красивая и неприступная.

Кто-то скажет, дескать, не молода уже доктор Каниша Биржановна Турсунова, и волосы с проседью, и морщинки вокруг глаз. Только Иммелю и эта седина, и морщинки очень нравятся, так нравятся, что глаз бы не отводил... Но вслух Валентин Иванович никогда в своей симпатии не признается — где он, а где она! Непреодолимая пропасть между ними. Как говорит современная молодёжь, с его-то бэкграундом... Такая женщина — не по Сеньке шапка. Любоваться — любуйся, но не более того.

Нижняя часть Алматы — сплошь частные застройки. Стоят домики, прильнув друг к другу глухими заборами, только крыши торчат. Крутых современных коттеджей

в этом районе негусто. Те, кто побогаче, предпочитают верхнюю часть мегаполиса, чтобы к горам побыть. Там домищи так домищи! Не хуже, чем у заграничных толстосумов. А здесь, по пути к железнодорожному вокзалу, в основном теснятся одноэтажки середины прошлого века. Сделанные из глины и камышовых матов, в своё время они помогли решить проблему жилья в сейсмоопасном регионе, а сейчас наступает на них со всех сторон высотное строительство. Новый век — новые технологии! Не боятся сегодня землетрясений алматинские небоскрёбы.

Поглядывая в навигатор, Валентин петлял по узким проулкам почти впритирку к заборам. Неожиданно прямо перед ним из открытых ворот дёрнулся навстречу внедорожник.

— Ты что творишь? — не сдержавшись, гаркнул Валентин и резко нажал на тормоз. Машина вздрогнула и остановилась.

Водитель джипа извиняющимся жестом приложил руку к сердцу.

— Прости, брат! — крикнул он, сдавая обратно во двор.

От резкого торможения и шума проснулась Каниша.

— Всё в порядке, Валентин Иванович? — поправляя волосы, спросила она. — Уже приехали?

— Почти, — пробурчал Валентин. — Следующие ворота наши.

Припарковавшись около высоченной металлической ограды малинового цвета, Валентин, поискав глазами катитку, кивнул на неё докторше:

— Звонок вроде есть. А если хотите, Каниша Биржановна, могу с вами пойти.

— Ну что вы, я сама, — улыбнулась женщина и, подхватив врачебную сумку-укладку, ловко выбралась из автомобиля.

* * *

Каниша не успела дотронуться до кнопки звонка, как ворота распахнулись, будто за ними поджидал услужливый швейцар. Шагнув во двор, женщина осмотрелась — никого.

Доктор Турсунова — не робкая дамочка, за годы работы на скорой помощи многого навидалась. Все люди разные, по-разному живут и врачей по-разному встречают. Но такая тишина настораживала. Похоже, одинокий человек сам для себя скорую вызвал. Возраст Миржана Сабитова, на которого был оформлен вызов, весьма почтенный, поэтому она не раздумывая поспешила по узенькой тропинке к виднеющемуся в глубине двора зданию.

Дом был старый и как будто заброшенный. Поднявшись по скрипучим ступеням на крыльцо, доктор почувствовала, как из открытой покосившейся двери повеяло сыростью и запустением. А ещё удивила паутина... Огромные пыльные лохмотья свисали с углов дверного проёма. Каниша в нерешительности остановилась.

— Проходи, не стой, заждался я, — послышался изнутри приглушенный мужской голос.

— Иду, — отозвалась женщина и, переступив порог, оказалась в светлой, абсолютно пустой прихожей с металлической дверью. Дверь показалась знакомой. Точь-в-точь такая же, выкрашенная серой краской дверь была у неё в квартире. Ещё муж устанавливал лет тридцать назад. Ей стало трудно дышать, и закружилась голова. Каниша сделала глубокий вдох и потянула на себя ручку.

Теперь она попала в прямоугольную проходную комнату с приоткрытой дверью на противоположной стене. Здесь было на удивление свежо и чисто. Диван, два старомодных кресла с полированными подлокотниками, журнальный столик, покрытый белой, вязанной крючком ажурной салфеткой, — всё в идеальном состоянии. И как трогательно лежит на столике пухлая тетрадь с мультишными птичками и кошками на обложке. Каниша заглянула в тетрадку. Пробежав глазами несколько строк, написанных похожим на мужской угловатым почерком, поняла, что перед ней всего лишь кулинарные рецепты. «Наверно, тут обитает холостяк», — подумала она и двинулась дальше.

Следующая комната также оказалась проходной. Каниша будто попала в больничную палату, насквозь пропахшую лекарствами. Кровать была застлана постельным бельём в светло-голубую полоску. Опытный глаз медика заметил подложенную под тонкую простынь непромокаемую клеёнку. На прикроватном столике пузырьки, а в пластиковом контейнере блистеры с таблетками. Около стены рядом с дверью пустовало инвалидное кресло-каталка, на сиденье лежала расчёска с несколькими длинными рыжими волосами, явно женскими.

—Хозяева! —крикнула доктор, но, не дождавшись ответа, прошла насквозь и эту комнату.

Путешествие через проходные и явно обжитые комнаты смущало Турсунову. Она словно без спроса вторглась в чужие миры.

Следующая комната удивила неожиданным интерьером — её стены были из дерева! Причём это были не доски, а крупные брёвна, покрытые лаком. Каниша не удержалась и потрогала их. На вешалке висели яркие пуховики, в углу стояло несколько пар лыж. Но больше всего удивил камин. Камин был настоящий, облицованный тёмным камнем, на его верхнем выступе громоздились смешные фигурки семейства муми-троллей. В детстве Каниша обожала этот советский мультик, да и своему внуку Ержанчику читала сказки Туве Янссон. Напротив камина вдоль стены стоял диван с разноцветными подушками и мягкими детскими игрушками. Однако, как и предыдущие комнаты, это помещение было безлюдным и тоже заканчивалось дверью.

—Уважаемые, вы меня слышите? —раздосадованно крикнула Каниша.

Но и на этот раз никто не отозвался.

«Дело плохо», — подумала доктор и, перешагнув очередной порог, вошла в роскошный кабинет, обставленный дорогой мебелью. На письменном столе стоял включённый ноутбук, по экрану, стремительно сменяя друг друга, неслись столбики цифр, а в то и дело всплывающих «окнах»

возникали изломанные кривые каких-то графиков. С краю столешницы — стопка книг и футляр для очков. Около стола — кожаное кресло с прислонённой к нему тёмной тростью, на жёлтом металлическом набалдашнике выгравирована большая восьмёрка.

Каниша взяла трость и легонько постучала по столешнице. Никто не отозвался.

Кабинет предсказуемо заканчивался дверью. Каниша дёрнула за ручку и... обнаружила себя на террасе, ведущей в сад. Ничего не понимая, она сделала несколько шагов вперёд. В этот миг дверь за её спиной захлопнулась, и в тишине раздался звук поворачивающегося в замке ключа. Изнутри.

— Что за дурацкие шутки! Немедленно откройте! — Турсунова выхватила из кармана телефон и хотела было позвонить Валентину Ивановичу, но телефон глухо молчал.

— Если бы отсюда можно было связаться с кем захочешь, люди перестали бы бояться смерти. — Голос доносился откуда-то из-за деревьев.

— С кем я говорю? Вы где? Что происходит? — стараясь не паниковать, требовательно выкрикнула Каниша.

— Я здесь, прямо перед тобой!

Среди зарослей вишни, сливы и старых яблонь, прислонившись к стволу, стоял худощавый парень в чёрных джинсах и вязаной серой кофте с капюшоном, натянутым на голову так, что рассмотреть лицо было невозможно.

У Турсуновой защемило сердце. Вязаная кофта... Очень похожую кофту для её пропавшего мужа связала Роза Алмаз был большим модником и обожал обновки.

— День добрый! Где больной? — срывающимся голосом спросила Каниша.

— Какая же ты красивая, моя малышка! — как-то невпопад грустно отозвался незнакомец.

— Послушайте, немедленно отведите меня к больному! Я на работе! — скомандовала Каниша.

— Прости, не получится. Это я тебя вызвал! Дыхание умирающего — мостик между мирами. Я рискнул и пришёл... Живи рискуя, умри со славой! Помнишь?

Парень откинул капюшон, и Каниша попятилась, за jakiав рот рукой. Это был Алмаз. Такой же молодой, как тридцать лет назад. Скуластое лицо, глаза с весёлым прищуром и длинная косая чёлка. Но как?! Почему он не изменился?

— Алмаз? Это ты? Где ты был, чёрт тебя побери! Что с моим братом? Где Эльвирочка?

Каниша ринулась к деревьям. Она бежала по заросшему саду, который становился всё больше и больше, словно не подпуская её к мужу. Она путалась в высокой траве, падала, спотыкаясь о корни деревьев, а гибкие ветки кустарников больно хлестали её по рукам. Она выдохлась, так и не достигнув цели. Каниша закрыла глаза и заплакала. А когда успокоилась, то увидела, что снова стоит на террасе, только теперь повсюду лежит белый снег.

— Каниша, ты должна меня простить! — долетел до неё голос Алмаза. — Так будет лучше для всех!

— Для кого «для всех»? — еле слышно прошептала Турсунова.

— Для твоего брата Амантая и нашей старшей дочери Эльвиры! Они живы! Найди их! Ты сможешь!

— Как «живы»? Это неправда!

Больше тридцати лет прошло с тех пор, как пропали Амантай, Алмаз и Эльвирочка. Не умерли от болезни или катастрофы, не были убиты или замучены злодеями... Они исчезли. Её родные мужчины сбежали, прихватив с собой двухгодовалого ребёнка! Ни писем, ни могил, ни известий — ничего. Были люди — и нет людей...

Каниша изо всех сил потрясла головой, пытаясь вырваться из плена охватившего её наваждения. Нужно взять себя в руки! Всё, что сейчас происходит, всего лишь игра воображения!

— Не сопротивляйся, потерпи. Здесь другие правила, —казалось, Алмаз шепнул ей это в самое ухо. — Тебе придётся

окунуться в воспоминания и двигаться дальше. Хозяева комнат расскажут секреты, первая дверь откроет возможности...

Последние слова Каниша уже не слышала, бурный поток воспоминаний накрыл её с головой. Она снова вернулась в тот проклятый декабрь девяносто пятого года.

* * *

Ранний вечер. Она, счастливая, идёт по хрусткому снежку из женской консультации домой. Бредёт по заснеженной аллее, вдыхая свежий морозный воздух. На ней лёгкая как пёрышко норковая шубка с большим капюшоном, из-под которого на грудь спускается длинная тугая коса.

Эту белоснежную роскошь ей на двадцатилетие брат Амантай подарил, а Алмаз — серьги с настоящими бриллиантами. Серёжки не покупные. Они сделаны на заказ в далёкой Якутии, куда муж частенько летал по делам. Золотые ромашки с бриллиантовой сердцевинкой, а на обратной стороне малюсенькие гравировочки в виде перевёрнутой восьмёрки — знака бесконечности. И это не просто так... Так выглядит тамга её предков аргынов. По поверью, тамга приносит удачу и оберегает от бед.

Девчонки на курсе от такой красоты обалдели. Пришлось соврать, что это не бриллианты, а фианиты. Зачем злить лишний раз? Ведь все и так ей завидуют: муж — состоятельный красавец, брат — бизнесмен, дом — полная чаша. А сейчас ещё и второго ребёнка родит без отрыва от учёбы. Замечательная судьба у Каниши Турсуновой, всем бы такую!

Доктор, делавший осмотр, сказал, что вторая беременность протекает нормально, и к лету у них с Алмазом рождается ещё один ребёнок.

«Хорошо, что к лету, — радовалась Каниша, — можно договориться и сдать экзамены за третий курс до сессии». Не откажут в деканате молодой мамочке, чей щедрый муж исправно одаривает преподавателей продуктовыми пакетами.

Каниша поначалу Алмазу выговаривала, мол, ни к чему это, когда она и сама с учёбой справляется. Не отличница, конечно, но пятёрки и четвёрки в зачётке — её личная заслуга. Алмаз отмахивался: «Отстань, малышка! В наше время никто от подарка не откажется. В магазинах ноль повдоль, а я им водочки финской, рыбки норвежской, ветчинки венгерской... Думаешь, преподы святым духом питаются? Нам нужно Аллаха благодарить, что они вообще работать продолжают, а то бы присоединились к своим коллегам на рынке, а на институт замок повесили».

Прав Алмаз, всегда прав! Он про жизнь и про людей больше неё понимает. От этого и скрытничает. Про их с Амантаем бизнес из него клещами ничего не вытянешь. «Меньше знаешь, крепче спиши, малышка», — вот и весь ответ. Только как крепко спать, если у мужа то рука в гипсе, то пистолет в ящике стола обнаружится.

«Может, второй ребёнок его оstepениит», — думает она разглядывая длинные, голубоватые в наступающих сумерках, тени деревьев на снегу. Ей очень хочется, чтобы Алмаз поскорей закончил со своим непонятным ей занятием — всё время выполнять чьи-то распоряжения. Бежать, лететь, ехать, срываясь в любое время суток. Ей хочется, чтобы он обзавёлся нормальной работой: кабинет, стол с креслом, машина, подчинённые. Алмаз только смеётся, когда она заводит этот разговор. Говорит, пока рано... Пока они с Амантаем накоплением капитала заняты. Только чувствует её сердце — будто канатоходцы в цирке, ходят муж и брат над пропастью по тонкой струнке. Чует и молчит, не решается перечить любимым мужчинам.

Ничего не поделать — время такое! Все в девяностых крутятся и рискуют. Предприятия закрываются, зарплату задерживают, в магазинах пустые полки, даже бывшие учителя, ярые поборники советской морали, ездят в Китай за товаром, переквалифицировавшись в членников. Зато у неё дома и холодильник полон, и в нижнем ящике комода лежат приличные пачки денег.

— Ты мне пятерых роди! — шутил Алмаз. — Пусть две старшие девчонки будут, а потом троих сладеньких маленьких джигитов!

— А ничего, что я собираюсь врачом стать? — притворно возмущалась Каниша. — Когда ж я работать буду с такой оправой?

— Станешь! — уверял муж. — Дети карьере помехой не будут! Лет через пять накоплю на огромный дом и целий штат прислуги тебе найму. Будешь как ханша жить!

А братец Амантай только другу вторил:

— Давай, давай, сестрёнка! Сделай из меня счастливого дядю. Я племянников не обижу! Да и, честно сказать, чем у вас детей больше будет, тем меньше ко мне родители с женитьбой приставать станут.

— Правильно пристают — жениться пора, — возражала Каниша.

— Нет! Только после сорока, — смеялся брат. — Сначала намеченное доделать нужно. У нас с твоим мужем на ближайшие десять лет грандиозные планы.

— А любовь? — удивлялась Каниша. — Разве может человек без любви жить?

Алмаз и Амантай только переглядывались, а брат шутил, дескать, без любви прожить можно, а без денег — никак.

Ну и ладно, им виднее, уступала она мужу и старшему брату, не ей их поучать!

Ещё год назад она и мечтать не могла, что муж купит трёхкомнатную квартиру рядом с проспектом Абая. На приобретение панельных хором ушла уйма денег — целых пять тысяч долларов. Ремонт тоже встал в копеечку — почитай, ещё полтысячи улетело. Но главной достопримечательностью их нового жилья стала массивная металлическая дверь. Такие в те годы редко кто ставил. Многие соседи поглазеть приходили, шептались, дескать, у молодых богатства много, раз такую дверь установили.

А ещё в новую квартиру Алмаз привёз из аула одиночную родственницу для помощи по дому. Тётя Роза была

незаметной как мышка, разговаривала тихо, с малышкой нянчилась с удовольствием. Но самое главное — Роза разговаривала с Эльвирочкой только на казахском, пела ей песни, рассказывала сказки. Алмаз и Каниша восхищались, как их дочка в два годика легко переходила с русского на казахский, стоило Розе появиться рядом или взять её на руки.

Однажды по телевизору показали пятилетнюю девочку, которая свободно разговаривала на семи языках, включая арабский и китайский.

— Наши дети тоже будут знать несколько языков, — воодушевился Алмаз. — Пусть перед ними будут открыты все дороги! Пусть они объедут весь мир! Пусть получат самое крутое образование и живут где хотят.

Не было в их семье разногласий, не считая одного случая, когда, невольно подслушав разговор между мужем и братом, Каниша испугалась не на шутку...

* * *

Была уже половина второго ночи, а Алмаза не было дома. Он и раньше задерживался, но всегда предупреждал её, чтобы не ждала, укладывала Эльвирочку спать и сама без него ложилась. Но той ночью она не могла уснуть. Маялась, ворочалась с боку на бок, решила пойти на кухню попить чаю. Свет включать не стала. Так и сидела, задумавшись, с чашкой у окна.

Когда в двери щёлкнул замок, она поняла, что Алмаз вернулся не один, а с Амантаем. Хотела выйти им навстречу, но что-то её остановило.

Они же, не прерывая беседы, скинули в прихожей обувь и, пройдя в гостиную, плюхнулись в кресла.

— Дверь в спальню прикрой, — тихо скомандовал Амантай.

Клацнул язычок межкомнатной двери.

— Да не переживай, мои девочки крепко спят, хоть из пушки пали. Пиво будешь? — послышался голос мужа.

— Ничего не хочу, рапмет! Коммерсы так накормили, на неделю наелся, — хмыкнул Амантай. — Ты мне лучше ещё разок все детали расскажи.

— Ну ты и тугой, — фыркнул Алмаз.

— Не тугой, а осторожный. Валяй!

— Короче, всё проще простого! Банк, где работает Лука, выдаёт нам кредит под залог приобретаемого имущества. Ни много ни мало два с половиной миллиона долларов.

Услышав сумму, Каниша зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

— Мы с тобой загоняем деньги на счёт фирмы Эдика, якобы на покупку внедорожников. Потом мы будто бы гоним машины на перепродажу в Таджикистан. Договор, факсы-шмаксы — всё будет! На пути в Душанбе машины типа попадают в зону боевых действий. Там сейчас такие случаи не редкость. Водилы типа сбегают, а джипы накрываются медным тазом. После чего нам выдаётся справка, подтверждающая, что всё так и было.

— А не придерутся, зачем мы джипы в Таджикистан про-даём? Все ведь знают, что там творится.

— У-у-у... Ну, ты странный... Кто придерётся? Мы же деньги на всех пилим, включая банк, который спишет эту задолженность как форс-мажор. Не переживай, Лука до-скончально подготовился. Он так всё оформит, комар носа не подточит.

— И сколько мы наварим? — поинтересовался Амантай.

— Не знаю, как боссы деньги делить станут, но, думаю, не обидят.

— Да понятно. Даже если по полмиллиона дадут, мы себя с одной сделки до старости обеспечим.

— Скажешь тоже, — усмехнулся Алмаз, — лично мне этого недостаточно. Хочу крутую машину, дом у моря и стартовый капитал на собственное дело. Короче, мне не хватит... Есть у меня одна мыслишка, как наши доли приумножить...

— Излагай.

— Брюлики!

— Что брюлики?

— Предлагаю объединить наши доли и набрать камушков.

— А на жизнь?

— Не смеши, на жизнь нам и так хватает.

— А ты уверен, что камни будут расти в цене?

— Даже не сомневайся! Лет через пять как минимум вдвое поднимутся, а если как следует подождать, то и в десять. Я эту тему пробил, в курсе теперь. Главное — брать крупные камни, от пяти карат и выше. Чем больше камень, тем выше цена. А если повезёт и купим цветные... там вообще огонь! Розовые бриллианты каждые десять лет на триста процентов дорожают! Думай, братишка! Когда повсюду наведут порядок, поздно будет! Сейчас действовать нужно!

— Да, тема крутая, — признал Амантай. — Пойдём на кухню, чайку жахнем, обмозгуем.

Каниша сидела, скавшись в комочек, и, не в силах пошевелиться, с ужасом смотрела на парней, которые, включив свет, сами остолбенели. Они явно не ожидали её здесь увидеть в такое время.

— О! Малышка! А ты чего не в кровати? Кипяток есть? — первым опомнился Алмаз.

Каниша даже не шелохнулась, словно и не к ней муж обращался.

— Ребята, да вы просто воры и аферисты! — выпалила она.

— Украл, не поймали, значит, заработал, — наставительно произнёс Амантай.

— Что-о? — презрительно скривилась Каниша. — А если поймают? Об этом не думали?

— Кого поймают? Зачем поймают?

Алмаз наливал воду в чайник с таким лицом, будто не понимал, о чём говорит жена.

— Малышка, ты хоть знаешь, что мы обсуждали?

— Догадалась! Не дурочка!

— А вот и нет! Всё, что ты слышала, — это идея для сценария боевика. Банк финансирует одного режиссёра, а с нами консультируется по теме и предлагает стать продюсерами... Казахстан, детка, сейчас самостоятельное государство, и кинематограф у нас должен быть свой. Стало быть, и боевики

с лихо закрученным сюжетом нужно самим придумывать. Вот и всё.

Алмаз поставил чайник на плиту, легко поднял Канишу на руки и, целуя, отнёс в постель. А через полчаса пришёл сам, и до утра они забыли обо всём на свете. Этой ночью он любил её так необыкновенно нежно, что все страхи и подозрения улетучились из её хорошенькой головушки.

Сказочная заснеженная аллея закончилась проезжей частью. Впереди возвышался жилой массив с освещёнными окнами, припаркованными автомобилями и гуляющей ребятней.

На перекрёстке перед Канишой притормозила зелёная «шестёрка». Водитель, крепкий, молодой блондин в спортивном костюме и вязаной шапочке «петушок», предложил подвезти её до дома.

— Девушка, вы ничего такого не подумайте! Я от чистого сердца! Садитесь, довезу, куда скажете.

— Спасибо, я уже пришла, — сухо ответила Каниша и демонстративно отвернулась, машинально теребя в ухе серёжку. Дурацкая привычка со школы. Завуч сначала гоняла девчонок за проколотые уши, а потом вроде смирилась, милостиво позволив носить только скромные украшения без камушков. Девочки, которые украшали ушки жемчужинкой или рубинчиком, при виде завуча выкручивали серьги таким образом, чтобы из мочки выглядывали только дужки.

Она не заметила, как застёжка расстегнулась и золотая ромашка соскользнула вниз.

— Девушка, постойте. не уходите! Вы что-то уронили! Я сейчас вернусь, вместе поищем! — крикнул водитель и резко тронулся с места, еле успев проскочить на зелёный.

— Не смешно! — крикнула ему вслед Каниша.

Она перебежала через дорогу и повернула к дому... Каниша не заметила, что потеряла серьгу, да и потом об этом не вспоминала. Не до того было...

Дальше всё как в тумане: незапертая дверь в квартиру, рыдающая тётя Роза, раскиданные вещи... И пустой детский манежик. На подкашивающихся ногах она подошла к манежу и увидела исписанный почерком Алмаза листок бумаги.

— Там всё на русском, я ни словечка не поняла, — всхлипнула за спиной Роза. — Скажи хоть, что написано?

Каниша взяла листок: «Малышка, так надо! Не ищи нас и не заявляй в милицию. Записку сожги. Мы тебя любим!»

Она не понимала, что происходит, чувствовала только, что это что-то страшное и, может, даже непоправимое. Не снимая сапог и шубы, кружила по квартире, открывая и закрывая створки шкафов, выдвигая ящики комодов. И лишь убедившись, что исчезнувшие вместе с дочкой муж и брат прихватили не только детские вещички, но и документы, заплакала. Получается, они сбегали осознанно, сбегали надолго...

Добиться чего-либо от напуганной Розы было невозможно. Двести раз она твердила одно и то же: она с Эльвирочкой была дома, вдруг приехали Алмаз и Амантай, спорили по-русски и она ничего не поняла. Потом велели ей ехать на центральный базар и купить казы, не торопиться, выбрать килограмм пять самых лучших. Дали денег, сказали, что дождутся её. Когда Роза вернулась, дверь была открыта, вокруг царил полный раскардаш, а в доме не было ни души.

Поначалу Каниша успокаивала себя, что они вот-вот вернутся, пыталась найти оправдание их побегу. Наверное, вляпались во что-то. Алмаз любит рисковать и Амантая за собой тащит. Ничего, побегают, уладят дела и вернутся. Тогда она им обоим устроит! Спросит за Эльвирочку! Виданное ли дело ребёнка без предупреждения из дома забирать.

Надежды исчезли, когда дом превратился в проходной двор. Сначала бритоголовые бандиты в чёрных кожанках заявились, всё вверх дном перевернули. Перетряхнули каждую вещь: высypали на пол муку и крупы, разобрали технику и мебель. Затем, словно озворев, выбивали

подоконники и поднимали плинтуса, шарили внутри вентиляции и развинчивали смычной бачок в туалете. Кричали на неё, выпытывали, куда братец с мужем отправиться могли. Бить не били, видать, рука на беременную не поднималась. Только зло матерились, когда заплаканная Каниша прикрывала руками живот. Спасибо тёте Розе — ни на шаг от Каниши не отходила. Ругала наётчиков на чём свет стоит, самыми жуткими казахскими проклятьями осипала. Один из них не выдержал и, сверкнув чёрными, как угольки, глазами, схватил Розу за руку и, подтащив к дивану, усадил силой.

— Сиди, мать, не дёргайся. Благодари Аллаха, что шеф дал команду к вам с девкой не прикасаться, а то бы я тебе твой поганый язык ножом отрезал.

После бритых братков заявились милиционеры, и всё повторилось. Только теперь под протокол. Странно, но ни те, ни другие так и не сказали, что ищут.

Всё мало-помалу улеглось, когда упрямая Роза уговорила Канишу позвонить родителям, и те тут же примчались. Кокшетауских связей отца и на Алматы хватило. Обыски и допросы прекратились, убитая горем Каниша была госпитализирована на сохранение. И только обезопасив дочь, Биржан и Айгуль Турсуновы направили все силы на поиск пропавших сына, внучки и зятя, даже частного детектива нанимали. А через полгода прекратили, резко и безо всяких объяснений. Что они узнали, они Канише так и не сказали. Просто наложили табу на эту тему и посвятили себя без остатка дочери и теперь уже единственной, рождённой после тех загадочных событий, внучке Динарочке.

* * *

— Что было, то прошло! Хватит себя жалеть! — отчёtkivo прозвучало из глубины сада. — Я открыл перед тобой все двери! Хозяева комнат, что скрывались за ними, уже рядом! Всё зависит только от тебя! Если не оттолкнёшь

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru